

Секция «История России с древнейших времен до начала XX века»

**Имянаречение в контексте генеалогической культуры русского дворянства  
XVIII - начала XX в.**

**Крылова Анастасия Андреевна**

*Аспирант*

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

*E-mail: gen\_history@mail.ru*

Выбор имени для ребенка с давних пор рассматривался как важный и ответственный шаг. Можно выделить два аспекта имянаречения: имя само по себе обладает рядом свойств, которые могут оказать существенное влияние на судьбу человека; большое значение для судьбы нарекаемого младенца имеет то, с кем полученное при крещении имя его свяжет.

Сложность работы с именованьем провинциальных дворянских родов состоит в том, что информация о выборе имени для детей исследователю зачастую недоступна. Так, основываясь на тождестве имен крещаемых с именами восприемников, мы можем говорить лишь о совпадениях. Чтобы с уверенностью утверждать, что ребенок был назван в честь восприемника, необходимо знать близких родственников младенца со стороны матери и со стороны отца, для исключения возможности имянаречения в честь родственника. В идеале исследователь должен владеть источниками (например, мемуарами), подтверждающими принцип выбора имени. Так, в воспоминаниях Е.П. Яньковой описывается случай совпадения имени крещаемого с именем восприемника: «В мае месяце, 20 числа, у нас родилась дочь <...>, и Дмитрий Александрович (супруг автора - А.К.) тотчас отправился к батюшке (т.е. к тестю - А.К.) с радостною вестью и спрашивает его: «Как прикажете назвать новорожденную?» Батюшка обнял его, поздравил и говорит: «<...> мне всего приятнее, если назовете мою внуку именем покойного моего друга - Аграфеню» [7. С. 64]. Крестной матерью девочки стала ее прабабушка, *Аграфена Федотовна Татищева* [7. С. 64].

Примером наречения ребенка именем восприемника является случай в семье генерал-майора А.А. Свечина, которому была оказана большая честь - восприемником его первенца стал Александр I. Сам государь на крещении не присутствовал: на обряде его «замещал» генерал-майор Е.Ф. Керн, начальник А.А. Свечина. Наречение младенца именем Александр не связано с обычаем наречения по святцам (ребенок родился 17 декабря и был крещен 28 декабря 1823 г.) [6]. Хотя в нашем распоряжении нет никаких свидетельств того, что родители не нарекли своего первенца в честь деда по отцу - надворного советника А.Е. Свечина, можно с большой долей вероятности утверждать, что младенец был назван в честь своего заочного царственного восприемника. Неслучайным, по всей вероятности, был и успешный карьерный рост Александра Алексеевича, который дослужился до генерала от инфантерии и состоял адъютантом при императоре.

О том, каковы могли быть мотивы наречения новорожденного именем восприемника, пишет С.М. Голицын: «Крестными родителями были самые богатые родственники - дядя Володя, Владимир Петрович Трубецкой, и бабушка Екатерина Павловна Хрептович-Бутенева. В ее честь новорожденная была названа Екатериной. Возможно, мои родители в весьма далекой перспективе рассчитывали на какое-либо приданое для своей дочери» [2. С. 97]. Встречаются и прямо противоположные случаи. Так, В.Ф. Давыдов, многократно выступавший в качестве восприемника детей А.А. Свечина, так и не был удостоен чести наречения крестника именем Василий. В.Ф. Давыдов являлся крестным для многих детей знакомых-помещиков и родственников. Один из его крестников - родной племянник Петр Давыдов [5] - стал мужем незаконнорожденной дочери М.А. Свечина Екатерины. М.И.

Свечин стал восприемником, по крайней мере, двоих детей [3; 4] своего коллеги по Тверскому земскому суду И.М. Петропавловского, но ни один из них не был назван Михаилом.

Наречение детей в честь предка можно рассматривать как стремление (бессознательное или осознанное) связать поколения. Так, Янькова упоминает об интересной тенденции - среди ее родных девочки с именем Аграфена были названы в честь своих бабушек: «Матушку (Е.П. Яньковой - А.К.) звали Аграфеной в честь ее бабушки Аграфены Федоровны Щербатовой, урожденной Салтыковой; и Аграфена Федотовна тоже была названа в честь своей бабушки (Аграфены Юлиановны Челищевой - А.К.). <...>Дочь Аграфены Федотовны Елизавета Евграфовна, вышедшая замуж за Ивана Филлиповича Новосильцева, свою дочь тоже назвала Аграфеною» [7. С. 64-65].

Несмотря на то, что имянаречение довольно часто имело целью укрепить социальные (в т.ч. родственные) связи, были случаи, когда дети получали имена в честь святых, день памяти которых приходился на ближайшее время после их рождения. Так, А.Т. Болотов свидетельствует, что свою дочь Настасью назвал по имени святой, день поминовения которой следовал за днем рождения ребенка [1. С. 591]. Данные метрических книг и свидетельств, выданных представителям тверских дворянских родов Свечиных, Кегелей и Корвин-Литвицких, свидетельствуют, что в некоторых случаях имя ребенка было дано в рамках православной традиции: среди Корвин-Литвицких и Кегелей так названо 38% крещаемых, среди Свечиных - 46%, в остальных случаях выбор имени не был привязан к святым. Причем с середины XIX в. случаи наречения по православной традиции у Свечиных отсутствуют вовсе. Имена крещаемых с именами восприемников совпадают лишь в 11 из 69 случаев.

Данное при крещении имя могло носить формальный характер и заменяться на «домашнее». «Когда она родилась, - это было 7 октября 1743 года, - дедушка находился в отсутствии, и бабушка дала ей имя Пелагеи, празднуемой октября 8 дня. Дедушка Щербатов скоро возвратился и очень опечалился, что дочь его назвали Пелагеей, а не Аграфеной, как он намеревался, в честь своей матери» [7. С. 21], вспоминает Е.П. Янькова. Стремление поддержать связь с умершим родственником, скрепить поколения было настолько велико, что Пелагею Николаевну Щербатову в семье называли Аграфеной и даже венчали как Аграфену, но отпевали Пелагеей и поздравляли с именинами 8 октября. Домашнее имя так прижилось, что родившуюся через 13 лет вторую дочь назвали уже в честь бабушки по матери - Александрой. Другой подобный случай описан в воспоминаниях Л.Н. Энгельгардта: с легкой руки своей бабки он был переименован (в честь погибшего в Семилетнюю войну ее сына) из Харлампия (как называли его родители при рождении) во Льва [8. С. 3].

Таким образом, можно предположить наличие трех основных тенденций имянаречения в среде провинциального дворянства: первая - наречение именем по церковному обычаю; вторая - наречение младенца именем близкого родственника или восприемника; третья - выбор имени, исходя из личных симпатий родителей. Мотивами имянаречения было осознанное или бессознательное стремление сплотить поколения, обеспечить необходимую протекцию и помощь, увеличить материальный и символический капитал семьи, упрочить связи духовного родства, «освежить» дальние родственные связи.

### Источники и литература

- 1) Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / сост. А.В. Гулыга. М., 1986.
- 2) Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990.

- 3) Метрическая книга Мироносицкой церкви г. Твери 1833 г. Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 15245. Л. 265 об.
- 4) Метрическая книга Мироносицкой церкви г. Твери 1835 г. Там же. Д. 15357. Л. 259 об.
- 5) Метрическое свидетельство. Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 980. Л. 4.
- 6) Метрическое свидетельство. Там же. Д. 3673. Л. 4.
- 7) Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / изд. подгот. Т.И. Орнатской. Л., 1989.
- 8) Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта: 1766–1836. М., 1867.